

Две мухи покружили вокруг головы Чу Шаояна и были прихлопнуты. Он вытер с ладони пятнышко крови, глядя, как окружающие всё больше нервничают, в то время как Фу Сиянь по-прежнему оставался невозмутим. Опасаясь, что Чжу Юйда вернется вместе с Фу Сюанем и всё испортит, Чу Шаоян не выдержал и поторопил:

— Брат Фу?

Фу Сиянь сохранял таинственный вид:

— Погоди еще немного.

Кто-то из сторонников Чу не выдержал:

— Ты что, своего дядю ждешь?

Фу Сиянь задумался:

— Если так посмотреть, то почему бы и нет.

Сторонники Чу тут же зашлись в насмешках:

— Ты в таком возрасте еще прячешься за спину дяди? И это ты называешь мужским достоинством?

Фу Сиянь скромно ответил:

— В «Правилах для учеников» сказано: будь то еда или ходьба, старшие идут первыми, младшие — за ними. Видимо, меня с детства воспитывали в строгости, и я хорошо усвоил этот урок. Не то что у вас в доме: ни старших, ни младших, ни почтения, ни субординации. Обычно это вы заставляете своих дядей таскаться у вас в хвосте. Если только это и есть настоящий мужчина, то прошу прощения, мне до вас далеко.

Человек, который это сказал, мгновенно покраснел:

— Я не это имел в виду.

Фу Сиянь, словно не слыша, поприветствовал того, кто был позади:

— О, дядя Чжу, ты вернулся.

Все обернулись и увидели, что Чжу Юйда, который незаметно отлучился, пробирается сквозь толпу. Позади него никого не было — никакой подмоги, на которую рассчитывал Чу Шаоян. Теперь пришла очередь сторонников Чу недоумевать: неужели они ошиблись в Фу Сияне? Этот парень действительно настолько глуп, что посмел принять вызов от того, кто выше него по рангу?

Чу Шаоян невольно проникся к нему некоторым уважением. Зная, что не одолеет, всё равно стоит на своем — похоже, в нем есть стержень!

Фу Сиянь, которого все снова принялись разглядывать, казалось, ничуть не смутился. Он отдал кому-то лук, который долго держал в руках, и протянул руку Чжу Юйда. Тот достал из-за спины маленькую рогатку и несколько шариков.

Фу Сиянь погладил рогатку и восхищенно произнес:

— Вещь.

— Еще бы, — ворчливо отозвался Чжу Юйда, но, заметив, что сторонники Чу стоят рядом и зорко следят за ними, поправился: — Я приложил нечеловеческие усилия, чтобы раздобыть это, так что ты смотри, не подведи.

— Не волнуйся, — ответил Фу Сиянь, пробуя тетиву на ощупь. — Сходи вытащи стрелу Чу Шаояна.

Чжу Юйда взглянул на мишень и решил, что с такого расстояния Фу Сиянь вполне справится, поэтому с энтузиазмом вытащил стрелу.

Фу Сиянь примерился рогаткой к мишени, а затем, будто только вспомнив о существовании Чу Шаояна, спросил:

— И то, и другое — искусство стрельбы, ты не против, если я выберу это?

Чу Шаоян решил, что теперь-то он наконец раскусил коварный план противника.

По сравнению с обычным луком рогатка мала и требует меньше сил. На дальних дистанциях она проигрывает, но на короткой — куда проще в управлении. По ладоням Фу Сияня было видно, что он не привык к тренировкам, неудивительно, что он ищет легкие пути.

Только вот все эти хитрости и уловки — лишь пыль в глаза перед лицом абсолютной силы.

Он дернул уголком рта:

— Брат Фу, как пожелаешь.

Фу Сиянь, не дожидаясь, пока кто-то еще откроет рот, поднял руку, натянул тетиву, прицелился и отпустил. Шарик, подобно выпущенной стреле, точно угодил в отверстие, пробитое наконечником Чу Шаояна, и, словно гвоздь, намертво застрял в мишени.

— Хорошо!

Чжу Юйда первым захлопал в ладоши, остальные сторонники Фу хоть и неохотно, но тоже

заплодировали. Атмосфера мгновенно оживилась, ничуть не хуже, чем после выстрела Чу Шаояна.

Сторонники Чу переглянулись: так вот зачем он вытащил стрелу Шаояна — чтобы найти дырку и всадить туда свой снаряд!

Они начали перемигиваться с Чу Шаояном, надеясь, что тот вскочит и гневно разоблачит это бесстыдное жульничество!

Чу Шаоян оставался спокойным и уверенным. Это был лишь первый раунд, а во втором, где он сам задает правила, всё будет иначе.

Он улыбнулся:

— Теперь моя очередь задавать задание.

Фу Сиянь послушно кивнул:

— Прошу.

Чу Шаоян указал вдаль на невысокую стену:

— Давай возьмем в качестве мишени муравьев на той стене.

Фу Сиянь предполагал, что тот будет чинить препятствия, но не ожидал, что настолько. Стена находилась в полули от них, такая дистанция сама по себе была пределом для обычного человека, а попасть в ползущего муравья — сложность была очевидна. Похоже, во втором раунде на удачу рассчитывать не приходилось.

Многие мастера стадии Заковки Костей, присутствовавшие здесь, про себя признавали: у них хватило бы силы, но не хватило бы такой зоркости.

Чу Шаоян натянул лук до предела, казалось, он вот-вот переломится пополам, и вдруг стрела сорвалась с тетивы, в мгновение ока вонзившись в стену.

Сторонники Чу, видя его уверенный вид, поспешили сказать:

— Давайте сходим и посмотрим вместе.

Толпа шумной гурьбой двинулась следом за Чу Шаояном и Фу Сиянем. Наконечник стрелы глубоко ушел в стену, и только когда Чу Шаоян вытащил ее, все увидели, что на самом острие прилипла половинка муравья.

Сторонники Чу принялись громко восхищаться:

— Вот это да, герой в юном возрасте!

— Это не просто попадание со ста шагов, это божественное мастерство!

— Достойный племянник генерала Чу, настоящий тигр из полководческого рода!

По мере того как они говорили, взгляды всех присутствующих дружно обратились к другому племяннику генерала.

Фу Сиянь был совершенно невозмутим.

Зрелый бездельник должен следовать правилу одного упорства и двух отказов: упорно не поддаваться на провокации, ни за что не поддаваться на манипуляции капиталистов и ни в коем случае не идти на поводу у дурных веяний.

Он искренне посмотрел на Чу Шаояна и с сожалением произнес:

— Я с рождения полон милосердия. Поскольку уборка может повредить жизни муравьев, я никогда не подметаю пол, не говоря уже о том, чтобы пронзать их стрелами. Конечно, доброта — моя личная добродетель, и я никогда не буду навязывать ее другим. Брат Чу обладает выдающимся мастерством, это вызывает восхищение, в этом раунде я признаю поражение.

Улыбка Чу Шаояна застыла. Если бы такую ересь нес какой-нибудь доходяга, это еще куда ни шло, но телосложение Фу Сияня явно говорило о том, что он отнюдь не питается святым духом. Какое там милосердие и отказ от уборки? Он просто целыми днями ест и спит, не желая трудиться!

Фу Сиянь, хлопая черными как смоль глазами, улыбнулся:

— Давайте перейдем к следующему раунду.

Чу Шаоян ответил с фальшивой улыбкой:

— С нетерпением жду подробностей. Давай! Давай! Давай! Посмотрим, найдется ли что-то, что можешь сделать ты, но не могу сделать я!

Фу Сиянь сказал:

— Не спеши, не спеши, дай подумать.

Он поманил Чжу Юйда. Тот достал из рукава грушу и протянул ему.

Фу Сиянь, казалось, собрался откусить грушу, но, посмотрев на Чу Шаояна, внезапно замер:

— Брат Чу, а твоя шапка чиновника новая? Почему на ней что-то лишнее...

Шапки были стандартного образца, как на ней могло быть что-то лишнее?

— Что? — Чу Шаоян, увидев, как Фу Сиянь заглядывает ему на макушку, машинально опустил голову, и в этот момент на его шапке оказалась груша.

Фу Сиянь улыбнулся:

— Третье задание: пусть мишенью станет эта груша на голове брата Чу.

Чу, видимо, слишком мало встречал подлецов. Если бы он, как Фу Сиянь, с детства сталкивался с подобным — когда на занятиях ты встаешь, а стул выдергивают, на физкультуре тебе подставляют подножку, а похлопав по левому плечу, стоят справа... — он бы ни за что не попался на такую дешевую уловку.

Чу Шаоян напрягся и натянуто рассмеялся:

— Брат Фу, ты, должно быть, шутишь?

Говоря это, он лихорадочно соображал, как попасть в грушу на собственной голове. Обычным способом не получится — стрела не повернет назад. Если натягивать в обратную сторону, то лук Северного Чжоу слишком велик, его просто не натянуть. Разве что упереться одной ногой в тетиву, другой регулировать угол, одной рукой держать лук, а другой... От одной только мысли об этой картине его всего передернуло!

Противник подл и бесстыден! Как он может идти у него на поводу!

Он потянулся, чтобы снять грушу, но Фу Сиянь крепко схватил его за руку. Фу Сиянь хлопал глазами, изображая невинность, или, скорее, бесстыдство:

— Мы же договорились: первый и третий раунды за мной, второй за тобой. Как можно нарушать слово?

— Раз уж это состязание, во главе угла должно стоять мастерство, как можно использовать такие низкие приемы! — Чу Шаоян был явно в ярости и перестал церемониться.

Фу Сиянь рассмеялся:

— Как же так, я помню, ты говорил, что мы просто обмениваемся опытом? Обмен опытом — это и литературный спор, и боевой, и интеллектуальный... всё допустимо.

Чу Шаоян уставился на него и медленно выдавил улыбку:

— Брат Фу прав.

Сторонники Чу, которые до этого перемигивались до рези в глазах, заволновались:

— Шаоян, ты ни в коем случае не должен...

Фу Сиянь радостно перебил их:

— Брат Чу, ты хочешь признать поражение?

Сторонники Чу продолжали транслировать фоновый шум: не надо, не надо, не соглашайся.

Чу Шаоян сказал:

— Даже если я не смогу этого сделать, разве брат Фу сможет?

— Раз брат Чу признает поражение, значит, очередь за мной, — Фу Сиянь одной рукой держал рогатку, а другой потянулся к груше, но Чу Шаоян увернулся.

Чу Шаоян, с грушей на голове, безэмоционально произнес:

— Разве груша для третьего задания не должна быть у меня на голове?

Фу Сиянь медленно отдернул руку:

— О? Брат Чу, ты что имеешь в виду?

Он внезапно поднял рогатку и прицелился. Чу Шаоян, словно предвидя это, резко подпрыгнул, подобно расправившей крылья птице, и в один миг пролетел над головами Фу Сияня и толпы.

Фу Сиянь взревел:

— Дядя! Ты пришел!

Чу Шаоян не сбавлял темпа и продолжал бежать вперед. Думают, что смогут обмануть его дважды одним и тем же трюком? Он что, трехлетний ребенок?!

— Что за шум, что за неподобающее поведение!

Голос Фу Сюаня донесся из-за спины толпы, заставив Чу Шаояна резко затормозить. Груша на голове, не ожидавшая такой остановки и не закрепленная ремнем безопасности, тут же скатилась вниз. Он ловко поймал ее на лету.

Фу Сюань прошел внутрь, толпа расступилась сама собой. Его взгляд сначала пробежал по Фу Сияню, который послушно стоял в сторонке, а затем пронзил толпу и остановился на лице Чу Шаояна.

Чу Шаоян мгновенно почувствовал, как со всех сторон на него давит поток воздуха, подобно морской воде, проникая повсюду и сковывая движения. Он не мог пошевелиться.

Подавление аурой!

Фу Сюань смог, пройдя сквозь толпу, с такой точностью нацелиться на него — такая способность подавлять волю говорит как минимум о стадии Ваджры среднего или позднего уровня. Его дядя, который много лет застрял на начальной стадии Ваджры, проиграл не зря.

Ху Юй, прятаясь в толпе, увидев, что Фу Сюань издали смотрит на него, был вынужден выйти вперед:

— Это всего лишь дети соперничают, хотели обменяться опытом.

Он был одного поколения с Фу Сюанем, так что эти слова звучали вполне уместно.

Фу Сиянь тут же оживленно направился к Чу Шаояну:

— Именно! Брат Чу только прибыл, а мы уже стали как родные, он так настаивал на поединке. Видимо, моя мощь уже прогремела на всю округу, и все смотрят на меня с благоговением.

Чу Шаоян: «...»

Только что, спасаясь от рогатки Фу Сияня, он отдалился от остальных, и сейчас вокруг него была пустая зона в две-три сажени. Именно поэтому Фу Сюань смог использовать подавление аурой, не будучи замеченным другими.

Однако, как только Фу Сиянь подошел к Чу Шаояну, Фу Сюань убрал давление.

Чу Шаоян, внезапно освободившись, невольно пошатнулся, груша выскользнула из пальцев, но Фу Сиянь наклонился и подхватил ее. Он с нежностью погладил фрукт, намеренно или случайно скользнув взглядом по макушке Чу Шаояна, и улыбнулся:

— Брат Чу тоже талантливый юноша, мы сражались на равных, можно сказать, достойные противники.

...Я играю в го, а ты в крестики-нолики, какие мы к черту противники! — с ненавистью подумал Чу Шаоян. Они с дядей недооценили Фу Сияня. Согласно их ожиданиям, после того как он предложит поединок, у Фу Сияня будет лишь два выбора: либо стиснуть зубы и проиграть на глазах у всех, либо найти предлог, чтобы избежать боя, опозорив семью Фу.

Но они не ожидали, что Фу Фу, человек строгих правил, вырастит бесстыдного сына! В шутках и насмешках он разрушил все его планы.

Внутри у Чу Шаояна бушевал океан ярости, ему хотелось ударить эту парочку дядю и племянника по лицам, но обстоятельства вынуждали, и он выдавил улыбку:

— Брат Фу прав.

Всё еще чувствуя досаду, он добавил:

— Впереди еще много дней, надеюсь, у нас будет возможность сразиться по-настоящему.

Раз впереди еще много дней, то и беспокоиться об этом будем завтра. Фу Сиянь улыбнулся:

— Ой, не ожидал, что брат Чу при первой же встрече захочет пойти по моим стопам. Талант — это такое бремя.

Чу Шаоян: «...»

Если бы не твой дядя...

Если бы не мой дядя...

Ты бы уже был трупом!

Хотя Фу Сиянь не знал о темных и жестоких мыслях в голове Чу Шаояна, он умел читать по лицам. Видя, что пора остановиться, он подошел к Фу Сюаню и только собрался откусить грушу, как ее у него отобрали.

Фу Сюань, держа в руках грушу, ледяным взглядом окинул присутствующих:

— Тренировки больше не нужны?!

Все поспешно выстроились в ряд.

Чжу Юйда подошел к Фу Сияню и прошептал:

— Насчет сегодняшнего — это мы недосмотрели.

Изначально они хотели проучить Чу Шаояна, но едва не подставили своих. Чем больше он думал, тем сильнее злился.

Фу Сиянь похлопал его по плечу:

— Противник был готов, даже если бы мы не дали им повода, они бы создали его сами.

Чжу Юйда обдумал эти слова и вдруг сказал:

— Верно. Надо бы выяснить, кто предложил устроить этот прием в честь новичков! А этот Ху Юй, как глубоко он запрятался!

Фу Сиянь посмотрел на напряженную спину Чжу Юйда, затем на сторонников Чу, шепчущихся с Чу Шаояном, и беззвучно вздохнул. В мире людей не всё зависит от тебя. Для тех, кто имеет связи, само существование — уже грех.

Тем не менее, после этого испытания авторитет Фу Сияня в глазах сторонников Фу вырос: он перестал быть просто дырой в защите, а стал дырой, которая может вовремя залатать саму себя.

Фу Сиянь, который был и багом, и патчем одновременно: «...» Спасибо за похвалу, впредь постараюсь этого не делать!

Конечно, заставить сторонников Фу искренне восхищаться и любить его было невозможно, ведь большинство из них сами были упрямыми, считающими, что нужно сражаться до последней капли крови.

Сегодняшняя тренировка была интенсивнее прежних.

Когда пришло время расходиться, в голове Фу Сияня крутились мысли о ломоте в пояснице и судорогах в ногах. Ему хотелось принять кальций, съесть витамины и сидеть на коленях у папы, напевая песенки... Эх.

Чжу Юйда догнал его:

— Четвертый молодой господин, завтра у вас выходной.

Фу Сиянь расплылся в радостной улыбке:

— Это так неожиданно.

— Днем отдыхаете, ночью — на дежурство.

Фу Сиянь: «...»

Он стер улыбку с лица:

— Это так неожиданно!

Чжу Юйда, проработавший с ним несколько дней, знал его слабые места и добавил:

— Ночью дел мало, можно будет найти время подремать.

Но Фу Сияня уже успели обмануть слишком много раз, он больше не был тем наивным простаком. Императорский дворец, строгий пропускной режим, сторонники Чу кругом... Сколько там можно подремать? Сон в замедленной съемке? Увольте! Для толстяка смена дня и ночи — это удар по и без того нездоровому организму.

Придя домой, Фу Сиянь стал умолять Фу Сюаня воспользоваться связями и перевести его с ночного дежурства. Конечно, было бы еще лучше получить длинный отпуск, чтобы дома залечить разбитое сердце, напуганное Чу Шаояном.

Фу Сюань собирался обсудить сегодняшние события и спросил:

— Рассказывай, как он тебя напугал.

Заговорив об этом, Фу Сиянь воодушевился и принялся красочно описывать жестокость и хитрость Чу Шаояна, который «принуждал честного человека к пороку», делая упор на свои внутренние терзания и растерянность.

Фу Сюань сказал:

— Короче говоря, ты с помощью уловок добился ничьей?

Фу Сиянь остался недоволен:

— Мы же дядя и племянник, «уловки» — звучит не очень красиво.

— Ха. Мы дядя и племянник, и я сказал бы куда жестче, — лицо Фу Сюаня вытянулось. — Ты проявил невероятную дерзость, согласившись на поединок с мастером стадиона Закалки Костей! Если бы Чу Шаоян не был так молод и не дорожил своей репутацией, боюсь, к моему приходу седовласый старик уже оплакивал бы смерть юноши!

Фу Сиянь счел эти слова преувеличением:

— Там было столько людей, дядя Чжу тоже был...

— И что? Ты хотел, чтобы все устроили массовую драку в императорском дворце, и чтобы всех вас выволокли на площадь и обезглавили?

Это было чересчур. Фу Сиянь опустил веки:

— Неужели я вызываю такую ненависть?

Фу Сюань холодно фыркнул:

— Семья Чу всегда была узколобой.

Поэтому он намеренно использовал «подавление аурой», чтобы привлечь гнев Чу Шаояна на себя и отвлечь внимание от своего глупого племянника.

Фу Сиянь подавленно спросил:

— Я что, проявил излишнее рвение и всё испортил?

— Не стоит слишком переживать, с тех пор как я победил Чу Гуана, между нами и семьей Чу кровная вражда, — Фу Сюань посмотрел на расстроенного Фу Сияня и смягчился. — Завтра выходи на службу как обычно, насчет ночного дежурства я сам всё устрою.

Вот что значит иметь людей при дворе. Фу Сиянь со спокойной душой отправился изучать мыло.

Фу Сюань переоделся и отправился к Фу Фу.

Фу Фу в своем кабинете пробовал сладости, присланные наложницами, и, увидев, как Фу Сюань входит с мрачным лицом, почувствовал тяжесть на сердце:

— Четвертый натворил бед?

Фу Сюань ответил:

— Об этом потом.

Значит, точно натворил. Сладости во рту Фу Фу мгновенно потеряли вкус, и взгляд его невольно упал на стойку с оружием.

— Семья Чу, возможно, готовит что-то крупное.

Слова Фу Сюаня вернули его к реальности.

— Хм? — спросил Фу Фу. — Разве Чу Гуан не залечивает раны?

Фу Сюань кратко изложил события сегодняшнего утра:

— Чу Шаоян — выдающийся представитель нового поколения семьи Чу. Его вступление в Юлиньвэй — это не случайный ход. Я уже поручил евнуху Чжан Чжуну тайно следить за ним.

Что именно нужно было отслеживать, было очевидно.

Фу Фу потерял терпение и прямо спросил:

— Во дворце до сих пор нет никаких перестановок?

В последние дни, после ожесточенной борьбы между чиновниками, многие пошли на повышение или понижение, почему же они застряли на месте? Неужели этот пес-император снова чудит?

Фу Фу помолчал и сказал:

— Ся Цин ведет переговоры о браке с домом Великого Наставника. Я велю жене завтра отправить приглашение и нанести визит супруге Великого Наставника. Если во дворце нас поддержит наложница Лю, мы будем чувствовать себя увереннее.

Фу Сюань удивленно посмотрел на него:

— Брат?

Фу Фу горько усмехнулся:

— У Его Величества великие амбиции. Если я продолжу стоять на месте, боюсь, я действительно погублю столетнее наследие нашего дома Юнфэн.

Великий Наставник Лю Яньшэн был компаньоном императора по учебе, они выросли вместе, их взаимопонимание было исключительным. Когда император хотел кого-то казнить, он подавал меч, когда император уставал, он разминал ему плечи — человек, по-настоящему близкий сердцу государя. После смерти императрицы управление делами дворца перешло к его сестре, наложнице Лю, что говорит о многом.

Приходящий в упадок дом Фу лишь благодаря тому, что Фу Лиань был одноклассником внебрачного сына Великого Наставника, смог зацепиться за этот брак. Однако после того, как переговоры начались, Фу Фу испугался обидеть группу аристократов, к которой принадлежал, и всё время колебался, сохраняя дистанцию. Но нынешняя ситуация заставила его принять окончательное решение — затихнуть или рискнуть всем?

Фу Сюань сказал:

— Потрудись, невестка.

Супруга Фу происходила из знатного рода и была мастером дипломатии. То, что боковые ветви семьи Фу столько лет не приходили с претензиями, было заслугой именно ее дипломатических усилий. Просто из-за того, что семья Фу в последние годы не имела веса в обществе, ее таланты оставались в тени.

Тем временем, пока госпожа Фу готовилась к дипломатическому прорыву, Фу Сиянь с недоверием смотрел на готовый кусок мыла, восхищаясь собственным умом.

— Я действительно... свет науки нашей династии!

Он взволнованно протянул ладонь навстречу солнцу.

Лучи заката равномерно очерчивали его округлые контуры, заставляя его воскликнуть:

— Какая удивительная суперсила!

— Господин, — раздался спокойный голос слуги, — а им пользуются так же, как обычным мылом?

<http://bllate.org/book/19792/1950349>